

Найдены неизвестные автографы А. С. Пушкина — Сов. Россия — 1987 — Мемарта — с. 4

«И В ЧЕРНОМ ЛОКОНЕ АЛМАЗЫ»

«Я помню чудное явление, передо мной явилась ты...» Нет, я не ошиблась, пятируя известные всем строки послания А. С. Пушкина к Анне Керн. На листе желтоватой почтовой бумаги, которую держу в руках, написано именно так. Что это, подлинный оригинал или один из вариантов стихотворения, предстоит еще решить. Главное не это. Главное — это почерк: довольно аккуратные буквы, но сам характер графики стремительный и знакомый. Этот лист — доселе неизвестный автограф А. С. Пушкина.

Из ВНИИ судебных экспертиз пришел ответ: «Послание к Анне Керн», а также большинство материалов, найденных старшим научным сотрудником отдела письменных источников Государственного Исторического музея А. К. Афанасьевым, выполнены действительно рукой великого поэта. Прежде чем доказать это, специалисты института проделали долгую и кропотливую работу.

Исследования по специальной методике показали — по всем «параметрам» стихотворения «Кокетка», «Послание Анне Керн», «Родзянке» и «Тройка» написаны Пушкиным.

Теперь об истории этой удивительной находки. Готовя экспонаты к выставке «Пушкин и декабристы» (эти оригиналы рукописей А. С. Пушкина можно сейчас увидеть в экспозиции Музея декабристов), кандидат исторических наук А. К. Афанасьев занимался обработкой коллекций материалов по истории русской литературы. Среди них он обнаружил комплект рукописей, при ближайшем знакомстве с которыми возникло предположение, что мы имеем дело с автографами А. С. Пушкина, в том числе с совсем неизвестным стихотворе-

нием поэта. Что же дало возможность выдвинуть такую смелую гипотезу?

Среди заинтересовавших историка документов хранилась расписка В. Срезневского о получении им от А. Фомина десяти автографов Пушкина из архива Тургеневых и двух — Осиповой. Проставлена дата — 13 января 1912 года. А далее — четыре двойных листа бумаги начала века, сложенные в тетрадку. Почерком того же времени аккуратно выполнены списки трех стихотворений А. С. Пушкина: «Кинжал», «К Родзянке» («Ты обещал о романтизме»), «К госпоже Керн». Следом — подробное описание оригиналов, с которых и делались эти копии. Они заверены подписью А. Фомина. Каково же было удивление исследователя, когда после списков он обнаружил и сами первоисточники. В них встречаются разночтения с опубликованными ныне текстами. Но чья это рука?

Историк начинает изучать образцы почерка великого поэта и находит, что многое в рукописях Исторического музея совпадает с уже известными автографами.

Афанасьев обратился к последнему изданию Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Выяснилось, что беловые автографы всех трех стихотворений не сохранились или пока не найдены.

Но если перед нами подлинные автографы поэта, исследователю нужны и другие доказательства. И Александр Константинович начал их искать. Как известно, Пушкин был очень близок с семьей Тургеневых. Один из лучших его друзей — старший брат Александр. Последние годы своей жизни Александр Иванович провел за границей. Другой брат — Николай — известен как декабрист, но во время событий 1825 года он находился в

чужих краях. После восстания обратно в Россию уже не вернулся. Умирая во Франции, он завещал сыну — Петру Николаевичу — богатейший архив и коллекцию семьи Тургеневых.

У этого собрания большая и сложная судьба. Вещи — ценные предметы старины, иконы, живопись — были переданы в Пушкинский дом, ЦГАОР СССР и ЦГАЛИ СССР, часть — в Исторический музей. В этом наследии до сих пор есть малоизученные материалы. Ведь Николай Иванович — философ, юрист, общественный деятель — имел обширные связи со многими известными людьми своего времени, а об Александре Ивановиче говорили, что он «состоит в переписке со всей Европой». Вполне естественно, что среди бумаг могли оказаться и автографы близкого брату человека — Александра Сергеевича Пушкина.

Теперь о том, кому же именно были переданы материалы из коллекции Тургеневых. Загадки ждали и здесь. Специалистам известен А. Г. Фомин — пушкинист, которого они вполне могли заинтересовать. Но, к счастью для исследователя, известна и его подпись: твердый росчерк пера, фамилию он писал через современную букву «Ф». Значит, это другой Фомин. Ведь в бумагах, что в Историческом музее, автограф выглядит иначе — инициал и фамилия не через «Ф», а через «фиту» — букву старого русского алфавита.

В то время в России жил еще один литературовед и пушкинист с такой же фамилией — Александр Александрович. Известно, что он состоял в переписке с П. Н. Тургеневым, который именно ему пересылал архив своей семьи,

а Фомин передавал его в рукописный отдел императорской Академии наук. Подпись этого Фомина полностью совпадала с той, что под копиями стихов А. С. Пушкина.

Предстояло также выяснить, какому именно из Срезневских переданы эти бумаги. Заметный след в русской науке оставили три сына академика И. И. Срезневского, имена которых все начинались на букву «В» — Владимир, Всеволод, Вячеслав. И все они имели непосредственное отношение к литературе. Опять выручил почерк. У Всеволода — наиболее известного из братьев литературоведа — была характерная рука — с наклоном влево. Именно так написана расписка. И еще один штрих — Вячеслав Измайлович Срезневский занимал должность старшего ученого-хранителя в том самом отделе рукописей, куда и передавались А. А. Фоминым полученные из Франции бумаги.

Но на этом загадки уникальной находки не закончились. Здесь же хранилась рукопись самого большого письма А. С. Пушкина. Оно было отправлено брату Льву Сергеевичу из Кишинева 24 сентября 1820 года: письмо опубликовано — в нем отчет о «поездке» по Кавказу и Крыму.

И вдруг — целых восемь страниц текста: рассказ о тяжелой дороге, о том, как поэт заболел и валялся в бреду без лекаря, как в таком состоянии его нашел генерал Н. Н. Раевский, который путешествовал с семьей.

В Полном собрании сочинений говорится, что автограф письма сохранился. Первоначальное утверждение А. К. Афанасьева, что это аккуратно переписанная копия, подтвердилось. Эксперты предполагают, что переписчиком мог быть, вероятнее всего, брат Пушкина. Он часто по прось-

бе друзей поэта копировал многие письма и стихи Александра Сергеевича. Работа над выяснением личности автора копии предстоит. Но, по словам кандидата филологических наук, сотрудника Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР А. Макарова, прижизненные копии поэта тоже бесценны, ведь они — источники основного пушкинского текста.

Далее архивные материалы дарят еще один неожиданный и самый невероятный сюжет. На листе тонкой почтовой бумаги орешковыми чернилами все тем же, но уже более размашистым почерком — еще одно стихотворение. Оно озаглавлено «Кокетка». У А. С. Пушкина есть подобное — «Кокетке». Оно почти в три раза больше того, что сейчас перед нами. Написано в 1821 году. Помните?

Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнью шалить
И слезы впрямь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

Стихотворение, что хранилось в архиве, никогда не было опубликовано и даже не упоминалось исследователями. А. К. Афанасьев настоятельно почерк и опять же характерный росчерк пера. Что это? Новый автограф, да еще неизвестного стихотворения? Исследования доказали и эту версию.

Теперь слово за литературоведами. Действительно ли это принадлежит перу Александра Сергеевича?

«А, впрочем, други, как повеса, как романтический поэт,

по милости людей и беса я не безгрешен: слова нет!»

Возможно, эти строки только на непросвещенный взгляд так похожи на онегинские строфы, а на самом деле это только подделка?

Но загадка рукописи «Кокетки» на этом не заканчивается. Обнаруженные записи — еще одно свидетельство, что это стихотворение Александра Сергеевича. На обороте листа чуть сбоку от текста — записка, сделанная по-французски: «Из коллекции Салтыкова. № 17, 1835 год». Значит, это стихотворение было в коллекции еще при жизни Пушкина!

Александр Константинович опять пришлось заняться литературоведческими изысканиями. У какого именно Салтыкова?

Наиболее вероятным оказалось — у Сергея Васильевича Салтыкова, фигуры для своего времени очень известной и колоритной. Чудак, богач, он обладал обширной и интереснейшей коллекцией, в которую входили величайшие редкости. Его трехэтажный особняк на Малой Морской был известен всему Петербургу. Александр Сергеевич здесь неоднократно бывал, а изображение дома С. В. Салтыкова экспонируется в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве. Известно, что именно на балу у Сергея Васильевича было объявлено о помолвке Дантеса с сестрой Натальи Николаевны — Екатериной. Ежедневно по вторникам у Салтыкова проходили музыкальные вечера. На одном из них в январе 1837 года Александр Сергеевич собирался вызвать Дантеса на дуэль. Но француз, узнав об этом, в тот день так и не появился, что заставило Пушкина послать ему на следующий день письменный вызов.

Итак, Сергей Васильевич Салтыков вполне мог иметь автограф стихотворения А. С. Пушкина.

Именно в эти годы французское слово «кокетка» прочно вошло в русский язык. А. С. Пушкин в одном из писем отмечал: «Слово кокетка обрусело...».

Пушай зовут меня глупцом,
Но не люблю кокетки модной
Души тщеславной и холодной
С поддельным сердцем и лицом.
Ее блистательные фразы
И сквозь лорнет летучий взгляд,
И в черном лококе алмазы
Меня ей богу не пленят!

Это — начало неизвестного стихотворения Александра Сергеевича. В каталогах Исторического музея информации о том, когда и каким образом оно поступило сюда, нет. Есть пометка, что оно было передано на Всесоюзную пушкинскую выставку 1937 года. Попало оно туда или нет, тоже пока неизвестно. Ясно только одно — еще к столетию со дня гибели поэта загадочное стихотворение было предназначено для экспозиции. Значит, и тогда были доказательства, что оно имеет отношение к А. С. Пушкину.

На автографе «Кокетки» сохранилась еще одна интригующая записка — дата, сделанная рукой неизвестного эле заметными штрихами простого карандаша. Цифры не очень разборчивы. Поэтомому их можно прочитать двояко: 23 января 1834 года или 28 января 1837 года.

Точно доказано, что 23 января 1834 года А. С. Пушкин был на балу у С. В. Салтыкова. Значит, именно тогда он мог подарить Сергею Васильевичу или кому-нибудь из его близких шутовское послание.

Другая же дата — день смерти. Пушкина не стало 29 января (по старому стилю) 1837 года. Но о смерти поэта Петербург говорил еще 28 января. Если эта записка дня кончины А. С. Пушкина, то кто сделал ее? Вероятнее всего, человек, которому подарили автограф стихотворения и который вряд ли под чужими — не пушкинскими строками — написал бы эту роковую для всей России дату.

Судьба же свела в единое целое не только списки стихов А. С. Пушкина, копию его письма, его неизвестное стихотворение, но и еще целую тетрадь, в которой переписаны многие известные произведения А. С. Пушкина. Среди них — «Усы гусара украшают», «Я вас люблю, хотя бешусь», отрывки из «Графа Нулина». Здесь же — «Песни старого гусара» Д. Давыдова и шуточные аксромты. На обложке, потемневшей от времени, с обветшалыми краями — дата: 23 января 1834 года. Опять — день посещения С. В. Салтыкова. А в конце этой тетради — рукой А. С. Пушкина — стихотворение «Тройка». Еще до экспертизы было ясно, что стихи переписаны именно в это время. Доказательство — бумага с водяными знаками, где четко проступает год.

Кому принадлежала эта тетрадь, тоже предстоит решить. Предстоит решить и судьбу стихотворений, переписанных рукой А. С. Пушкина. Что это — оригиналы или авторские копии? Слово за литературоведами.

Но уже ясно одно. Материал, обнаруженный А. К. Афанасьевым, представляет огромную ценность. Ведь для нас свято все, что связано с именем гения земли русской.

Л. КИСЛИНСКАЯ.
(Корр. ТАСС — специально для «Советской России»).
Москва.